

ОБРЕЗАННОЕ ВРЕМЯ

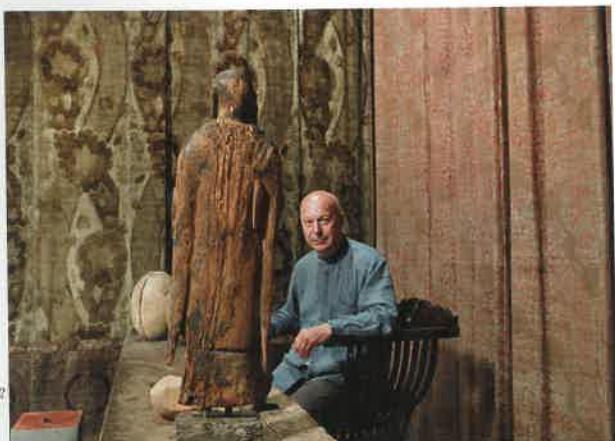
На выставках и в интерьерах, которые придумывает бельгийский коллекционер Аксель Верворт, современное искусство встречается с антикварным и экзотическим. Его замок под Антверпеном не исключение. В гостях у автора легендарной венецианской выставки *Artempo* побывала Ирина Кулик.

На странице слева: гостиная лофта в
книжке (Бельгия) со столом от ИВА БЛЯТНА.
На этой странице: библиотека в доме
АКСЕЛЬБЕРГОДА (под Антверпеном).

На этой странице (сверху вниз): фрагмент экспозиции *Artempo* в палаццо Фортуни. Венеция. 2007. АНИШ КАПУР. «Без названия». 2011. АКСЕЛЬ ВЕРВОРДТ на выставке *Artempo*. На странице справа (сверху вниз): гостиная Шато дю Терт. Франция. Картина Лучо Фонтана. КАЦУО ШИРАГА. «Shungongoshin». 1987. На следующем развороте: фрагмент интерьера лофта в Кнокке.

Mы сидим в столовой замка XIII века на окраине Антверпена. Окна выходят в парк, где по лужайкам бродят овцы. Под столом грызет кость собака – бело-коричневый спаниель. Все как и полагается во время трапезы в замке. Коллекция китайского фарфора времён династии Мин, которая украшает залу, несколько столетий пролежала на морском дне, в трюмах затонувшего корабля. И это единственное сокровище в замке, 50 комнат которого наполнены искусством всех времен и народов в самых причудливых сочетаниях.

В этом замке я впервые, но обстановка вызывает ощущение déjà vu. Подобно я видела в 2007 году в венецианском палаццо Фортуни, на выставке «*Artempo. Как время становится искусством*», составившей тогда концепцию основному проекту Венецианской биеннале. В залах палаццо Фортуни тысячелетний деревянный китайский Будда медитировал у полотен концептуалиста Романа Опалки, исписанных бесконечными рядами цифр; работы Пикассо и Дюшана Фрэнсиса Бэкона и Лучо Фонтана, Аниша Капура и Джеймса Тэррелла встречали с экзотическим искусством и всевозможными древностями. В замке Гравенвэзер понимаешь, что *Artempo* – не просто блестательный кураторский проект, это частного образа жизни его гостеприимного владельца Акселя Вервордта: коллекционер антиквара, дизайнера, хозяина замка и соавтора знаменитой выставки.

Верворт рассказывает, что хотел стать коллекционером с детства и еще в юности отказался от выбора между старинным и современным, искусством и предметами ремесла. Он вспоминает, как еще совсем молодым увидел восхитившие его механизмы швейцарского художника Жана Тэнгли – они стоили по 60 тысяч бельгийских франков. И в тот же день обнаружил в антикварной лавке сундук XVI века с мудреным ключом, который одновременно открывал все замки. Он стоил всего 6 тысяч франков, но был менее удивителен и причудлив, чем изобретение Тэнгли (сундук до сих пор хранится у Акселя). Верворт напоминает, как важно ценить то, что ничего не стоит. «Я не могу позволить себе Ротко, я могу найти его на улице». Для него облупившие старые стены – это абстракция, созданная временем. Выставка *Artempo* была и об этом.

Еще во время службы в армии Верворт купил у сослуживца полотно Магритта – одну из хрестоматийных вещей бельгийского сюрреалиста. Но вскоре продал. Он считает, что картины Магритта можно прекрасно смотреть в репродукциях. А вот вещи любимых художников Аниша Капура, Сая Туомбли, Кацуо Ширага, Антона

Тапиеса – невозможно сфотографировать: в них очень важна материальность. В современном искусстве Аксель ценит и пришедшее на Запад в XX веке понимание пустоты. Один из его любимых художников – итальянец Лучо Фонтана, с которого 40-х годов взрезавший холсты, чтобы открыть выход в другое измерение: по словам Вервордта, «в пустоту, из которой рождается нечто новое».

В начале 1970-х Верворт знакомится с бельгийским художником Джоном Верхейеном, который открывает ему художников немецкой группы ZERO, в частности Гюнтера Юккера. Коллекционер рассказывает, что, будучи другом Юккера, он долгое время не принимал его искусство – гвозди, которыми щериваются его полотна и объекты, казались слишком агрессивными. Однажды Юккер объяснил, что вбивать гвозди – это как сажать деревья, и Верворт

Один из любимых художников Акселя – Лучо Фонтана, взрезавший холсты, чтобы открыть выход в другое измерение, «в пустоту, из которой рождается нечто новое».

АКСЕЛЬ ВЕРВОРДТ СЧИТАЕТ, ЧТО ДЗИ
ПРИЛОЖИЛ К ЭТОМУ РУКУ, НАПИСАВ КНИГУ
ПОНИМАНИЕ ИСКУССТВА И ИНТЕРЬЕР

СТАЛ СЛИШКОМ МОДНЫМ. НО ОНИ САМ
УХ ВАБИ», В КОТОРОЙ ОБЪЯСНИЛ СВОЕ
ПРЕЗ ДЗЕНСКУЮ КОНЦЕПЦИЮ ПРЕКРАСНОГО.

На этой странице: фрагмент интерьера дома Аббади под Брюсселем.
На странице справа: фрагмент экспозиции Artempo

принял его творчество. Также после долгих сомнений он признал и искусство Марины Абрамович. Художница даже гостила у него в замке.

В 1970-х Аксель начинает собирать традиционное искусство Востока: в отличие от многих, он ценит не роскошь и виртуозность ремесла, а аскетизм и спонтанность. Его последнее увлечение – творчество японских художников из группы «Гутай». Объединившиеся в конце 1950-х, они стали пионерами акционизма, опередившими западный хеппенинг и перформанс. «Гутай» отталкивалася от «живописи действия» Джексона Поллока, но трактовал ее по-своему. Верворт говорит, что при всей любви к Поллоку жить ему легче с произведениями художника «Гутай» Кацуо Шираага: японец использовал свое тело, чтобы пропустить сквозь себя энергию космоса. «Поллоку нужен был алкоголь, чтобы стать свободным. Шираага, потомок самураев, мог просто освободиться от себя, очистить сознание», – рассказывает Аксель. – Только учтите, что японские художники ненавидят, когда их искусство называют дзенским. Это как если бы все европейское искусство называли католическим. Дзен стал слишком модным». Впрочем, Верворт и сам внес вклад в эту моду, написав книгу «Дух ваби», в которой объяснил свое понимание искусства и интерьера через дзенскую концепцию прекрасного. Бельгийский коллекционер обладает одним из самых значительных собраний художников «Гутай» в мире. Вещи из его коллекции участвуют в ретроспективе этого направления, которая проходит сейчас в нью-йоркском Музее Гуггенхайма.

Проект, который будет показан в Венеции этим летом, – диалог с еще одним коллекционером, испанским художником Антони Тапиесом. Аксель рассказывает, что хочет сделать выставку о том, как художник вдохновляется прошлым, чтобы творить будущее. «Мой путь – это не революция, когда разрушается прошлое, чтобы создать настоящее. Нужно изучать прошлое, чтобы понять настоящее и создать будущее, за которое мы в ответе». Герой его проекта, Антони Тапиес, скончался в прошлом году. «Я был у него в Барселоне – его коллекция потрясающая, за ней чувствуются огромное знание и метафизическое начало. И это тот редкий случай, когда хочешь из нее все. Там есть Пикассо, готика, ренессанс, Древний Египет, африканское искусство. Я хочу представить Тапиеса как эзотерического автора». Проекты Верворта в Венеции соперничают с роскошными выставками

Франсуа Пино в палаццо Грасси и Пунта делла Догана. Редкая выставка французского коллекционера обходится без работ Маурицио Каттелана, братьев Чепмен, Джейффа Кунса, Такаши Мураками – экспонаты обрели музейный статус недавно и еще хранят дух провокации. «Немало современных художников показывают, что мир становится все более безумным, китчевым, например, Джейфф Кунс. Я не понимаю такого искусства – по-моему, в мире и так достаточно

уродства, не стоит его умножать. Яценюкискусство, которое предлагает противоядие – воссоздает гармонию, умиротворяет», – говорит Верворт. На коллекционирование он тоже смотрит по-своему – не понимает тех, кто собирает искусство, чтобы хранить его на складе. «Я считаю, что мы не обладаем произведениями. Вот этот замок – ему почти тысяча лет, как им можно обладать? Мы – только эпизод в его жизни». Так же и с искусством.

После успеха Arttempo Верворт открыл галерею современного искусства в Антверпене, чтобы выставлять любимых художников, в том числе мастеров «Гутай», а теперь работает над проектом собственного музея. Он разместится в промышленных постройках XIX века на берегу канала. Вокруг строится поселение с квартирами-лофтами в бывших зданиях фабрики, изготавливавшей традиционный бельгийский алкогольный напиток женевер. На крыше зданий и между ними будут разбиты сады – работы планируют завершить к 2015 году. Но у проекта Kanaal уже есть «сердце» – инсталляция любимого художника Акселя – Аниша Капура, которую тот согласился продать лишь при условии, что она будет доступна публике. «На краю света» – огромный купол, войдя под который видишь над собой бесконечность, но не холодную космическую бездну, а темно-красное, обволакивающее, всеобъемлющее тепло.

Harper's

BAZAAR ART

LEADER IN ART 2013

MARC
QUINN
НОВАЯ
МАГИЯ

18+